

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1895**

Выпуски 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1895: Выпуски 1-4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 688 с.

ISBN 978-5-458-40718-2

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1895. Выпуски 1-4«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-40718-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

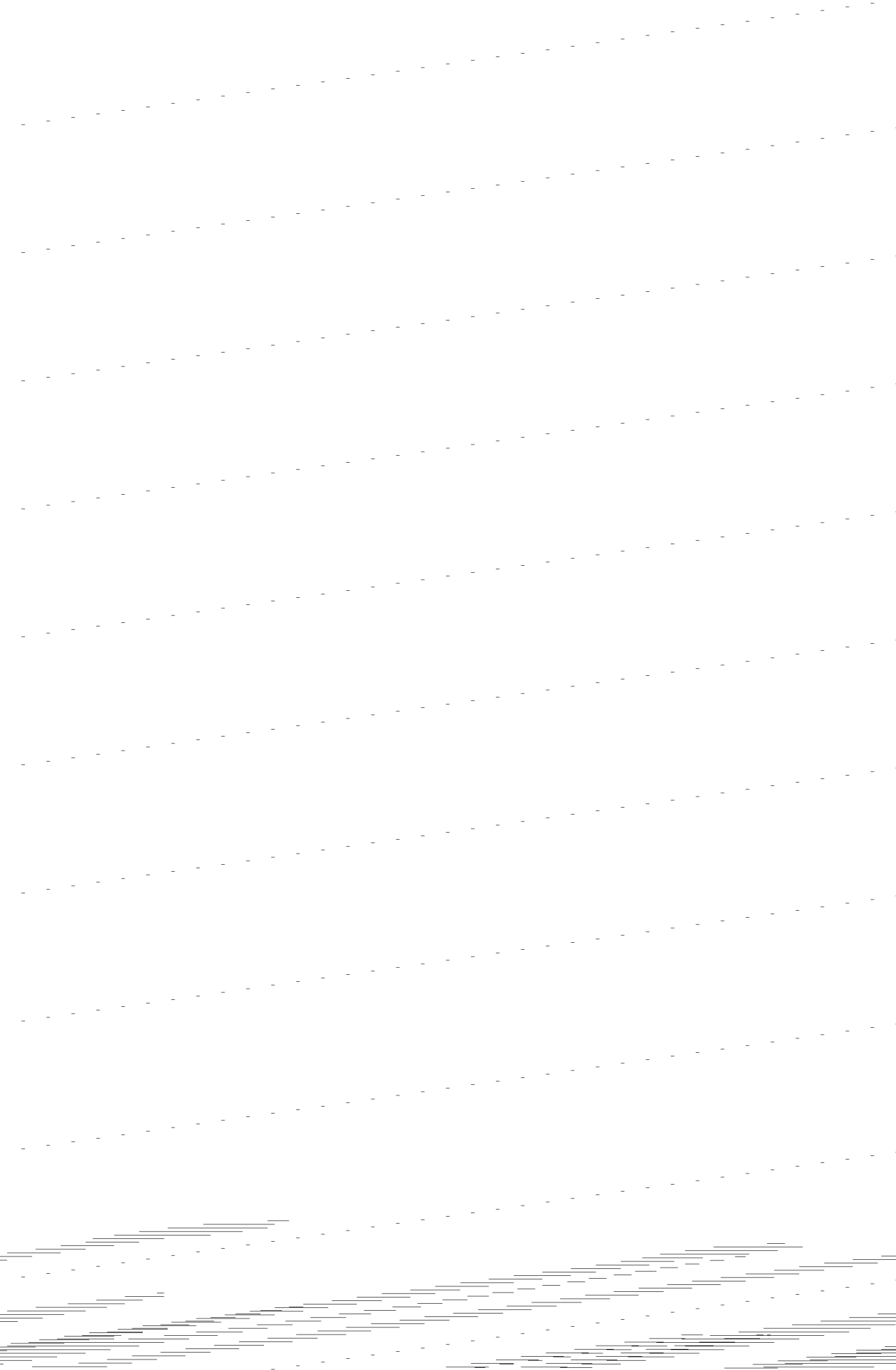
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДЬЯКЪ ѲЕДОРЪ КУРИЦЫНЪ.

Государствованіе Ивана III составило эпоху въ исторіи Русскаго народа. Правленіе его было временемъ объединенія и независимости Русской державы, и дало ей возможность обратиться къ своему внутреннему самоусовершенствованію; Иванъ Васильевичъ рѣшилъ разорвать оковы вѣковыхъ Московскихъ преданій, избратъ на новую дорогу и вывести на нее Русскій народъ. Это сознаніе недостаточности прежнихъ жизненныхъ основъ, слѣдствіе могучаго ума Московскаго государя, уяснилось особенно со времени вступленія его въ бракъ съ Софьей Ѳоминичной, которая первая открыла глаза своему супругу на Западъ и побудила его войти въ болѣе или менѣе близкія сношенія съ Европейскими государствами и завести, по мѣрѣ возможности, и у себя то, что онъ узналъ у нихъ хорошаго: лучшее войско, искусства разнаго рода, и проч.; или, говоря, словами историка Россіи за это время, «издыхающая Греція отказываетъ остатки своего древняго величія, Италия даетъ первые плоды рождающихся въ ней художествъ, Москва украшается великолѣпными зданіями, земля открываетъ свои вѣдра» и предлагаетъ «извлекать изъ оныхъ металлы драгоцѣнные»¹⁾. Новая жизнь требовала и новой дѣятельности, для которой въ большинствѣ своемъ боярское сословіе уже оказывалось недостаточнымъ; теперь требовались люди не одной только высокой породы, а люди труда, ума, дарованій. Иванъ Васильевичъ умѣлъ находить нужныхъ для себя людей, вѣрныхъ слугъ и талантливыхъ исполнителей своей воли. Великокняжескій столъ, кромѣ родовитаго боярства, окруженъ при немъ рядомъ лицъ, которыя выдвинулись впередъ, благодаря личнымъ своимъ достоинствамъ.

До того времени для посольскихъ цѣлей употреблялись иностранцы: знаніе «Нѣмецкаго» языка, нравовъ и обычаевъ народа, къ которому они посылались, давало имъ возможность успѣшнѣе Русскихъ выпол-

¹⁾ Исторія Госуд. Рос., Карамзина, VI, стр. 5—6.

нять свое дѣло. Мы видимъ Венеціанца Ивана Фрязина, его брата и племянника Карла и Антона, Грека Юрія Трахоніотова, Грека Дмитрія Ралле, Палеолога и др. Но въ скоромъ времени, подъ руководствомъ самого великаго князя, вырабатывается школа Русскихъ дипломатовъ въ средѣ Московскихъ боярь и дьяковъ. Чаше другихъ посылались за границу: дьякъ Семень Толбузинъ, первый посоль изъ Русскихъ, отправленный въ Венецію въ 1473 г., Василій Кулешинъ, Третьякъ Василій Далматовъ, Иванъ Ощеринъ, Лобанъ Заболоцкій, Алексѣй Голохвастовъ, братья Андрей и Петръ Плещеевы.

Въ этомъ ряду дипломатовъ Ивана Васильевича первое мѣсто должно быть отведено дьяку Ѳедору Курицыну. Въ современныхъ памятникахъ имя его встрѣчается довольно часто, особенно когда рѣчь идетъ объ иностранныхъ посольствахъ, пріѣзжавшихъ въ Москву. Въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, былъ необходимымъ лицомъ, такъ какъ въ переговорахъ, ведшихся отъ имени иностранныхъ правительствъ съ правительствомъ Московскимъ, онъ принималъ почти всегда участіе. Зависѣло это отчасти отъ того, что онъ зналъ иностранные языки, а главнымъ образомъ отъ значенія, какимъ онъ несомнѣнно пользовался у великаго князя. Иногда мы видимъ его въ качествѣ посла къ тому или другому иностранному государю, и посылается онъ въ этомъ случаѣ какъ человекъ, отъ котораго требуются особенная ловкость и умѣлость (напримѣръ, при переговорахъ о замужествѣ Елены Ивановны, дочери князя, за Литовскаго князя Александра); обычные же его мѣста «верхъ государевъ» — дворець, посольская изба. Судя по дошедшимъ современнымъ свидѣтельствамъ, Курицынъ былъ тѣмъ дьякомъ, который въ послѣдствіи, со времени учрежденія Посольскаго Приказа, обыкновенно назывался *посольскимъ, думнымъ*, т. е. начальникомъ этого учрежденія, былъ своего рода министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ѳедоръ Курицынъ является самымъ довѣреннымъ лицомъ великаго князя и именно въ дѣлахъ дипломатическихъ ¹⁾, лицомъ, которое знало весь ихъ ходъ; а если такъ, то, слѣдовательно онъ былъ болѣе, чѣмъ служилый дьякъ, не простой чиновникъ, а завѣдывавшій канцеляріей Боярской Думы, изъ которой въ XVI в. образовался Посольскій Приказъ ²⁾. На торжественныхъ пріемахъ, которые давались великимъ княземъ иностраннымъ посламъ, говорить имъ привѣтственные рѣчи, вести съ ними переговоры, государь обычно приказывалъ Ѳедору Курицыну, а это, по заведенному порядку, поручалось только посольскому дьяку ³⁾.

¹⁾ П. Собр. Р. Лѣтоп., VIII, 228. Памятн. Диплом. Снош. др. Рос., I, 10.

²⁾ Исторія Россіи, Иловайскаго, III, 444.

³⁾ Памятн., I, предислов. стр., XX, 8—14, 56, 80 и др.

Такое положеніе Федора Курицына давало ему возможность оказывать большое вліяніе на Московскую политику того времени. Такъ мы видимъ, что при его непосредственномъ участіи ведутся переговоры и заключаются дружественный союзъ между Иваномъ Васильевичемъ и Венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ; благодаря ему завязываются впервые дружественныя сношенія съ Турецкимъ султаномъ Баязетомъ II; при его посредствѣ устроивается бракъ Елены Ивановны съ Литовскимъ великимъ княземъ Александромъ; наконецъ, онъ старается о заключеніи родственнаго и дружественнаго союза съ Германскимъ императоромъ Максимилианомъ. Не будетъ съ нашей стороны логическимъ скачкомъ допустить вліяніе его и на политику, исполненную высокой мудрости, какую велъ Иванъ Васильевичъ по отношенію къ Крыму и Казани, къ Литвѣ и Польшѣ, Молдавіи и другимъ державамъ.

Такое же, если не большее, значеніе Курицынъ имѣлъ и во внутренней государственной жизни. Правда, современники объ этомъ говорить глухо, и прямыхъ свидѣтельствъ объ этой общественной сторонѣ его дѣятельности кромѣ указаній на его покровительство «Жидовствующимъ», мы не имѣемъ; но значеніемъ онъ несомнѣнно пользовался. Вліятельнымъ человѣкомъ Курицына дѣлало прежде всего то, что онъ руководилъ учрежденіемъ, непосредственнымъ начальникомъ котораго былъ самъ Государь и которое поэтому самому стояло выше другихъ; а впоследствии Посольскому приказу были даже подчинены нѣкоторыя изъ другихъ приказовъ¹⁾. Главный же источникъ могущества Курицына заключался въ его отношеніяхъ къ великому князю. Пр. Юсифъ Волоцкій говоритъ, что онъ имѣлъ такое «державное къ державному, яко никтоже инъ»²⁾. Дѣйствительно, онъ занималъ мѣсто при особѣ великаго князя на ряду съ первѣйшими вельможами государства и государевыми родственниками, князьями Патрикеевыми и зятемъ послѣднихъ, княземъ Семеномъ Ряполовскимъ³⁾. Изъ приведеннаго свидѣтельства слѣдуетъ, что онъ былъ не только приближенный, но даже самый близкій человѣкъ къ Ивану Васильевичу, его первый совѣтникъ, безъ котораго онъ не предпринималъ ничего важнаго. Не безъ него состоялось поставленіе въ митрополиты Зосимы, и вообще оказывалось покровительство еретикамъ.

Какъ любимецъ Ивана Васильевича, Курицынъ былъ *persona grata* и при дворѣ молодаго великаго князя Ивана Ивановича. Кромѣ того, онъ и самъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы приобрѣ-

¹⁾ Памятн., I, предислов., стр. VI.

²⁾ „Просвѣтитель“, стр. 52.

³⁾ П. С. Р. Л., VIII, подъ 1494 годомъ.

сти милость молодого князя, какъ будущаго Московскаго государя. Такимъ образомъ отношенія его къ новому двору должны были установиться дружественныя. Особенно близкими они становятся съ того времени, какъ Елена Стефановна, супруга молодого князя, примкнула къ кружку еретиковъ. Теперь Курицына привязываетъ къ молодой великокняжеской четѣ двойной разсчетъ: желаніе быть поближе къ наслѣднику Ивана Васильевича и сочувствіе новшествамъ. Эта связь продолжаетъ существовать и по смерти Ивана Ивановича, при чемъ виды его переносятся на Дмитрія сына умершаго князя. Благодаря ему, можетъ быть скорѣе чѣмъ всѣхъ другихъ сторонниковъ Елены и Дмитрія, сей послѣдній былъ вѣнчанъ, какъ наслѣдникъ Московскаго престола, въ 1498 году. Въ своемъ предположеніи мы пойдемъ даже далѣе: можетъ быть, крушеніе этого грандіознаго зданія, построеннаго съ помощью придворныхъ каверзъ, было слѣдствіемъ того, что при старомъ великомъ князѣ уже не находилось лица, которое такъ было «дерзновенно» къ нему. Нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾ полагаютъ совершенно невозможнымъ считать Ѳедора Курицына въ числѣ сторонниковъ Елены на томъ основаніи, что она въ своихъ домогательствахъ опиралась на старо-боярскую партію, среди которой дяку и великокняжескому любимцу будто бы не было мѣста. Они считаютъ его примкнувшимъ къ новому движенію исключительно изъ-за государственныхъ соображеній въ борьбѣ великокняжеской власти съ церковною, какъ приверженца этой послѣдней ²⁾. А Елена Стефановна обратилась въ «жидовство» по политическимъ разсчетамъ ³⁾, желая при помощи противниковъ Софьи Ѳоминичны, бояръ, предоставить своему сыну великокняжескій престолъ, и обратилась только по смерти своего супруга (послѣ 1490 года). Но такое представленіе дѣла не вѣрно. Ѳедоръ Курицынъ сталъ приверженцемъ новаго ученія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, изъ-за самаго ученія, изъ-за тѣхъ началъ, которыя оно заявляло прежде всего въ области вѣры и нравственности. Равнымъ образомъ, и Елена стала «еретичкой» не послѣ 1490 года, слѣдовательно, не изъ-за разчетовъ самолюбія, а гораздо раньше; такъ какъ совратитель ея Иванъ Максимовъ, зять протопопа Алексѣя, жилъ и дѣйствовалъ въ Москвѣ, конечно, до смерти этого послѣдняго (а онъ умеръ до собора 1490 г.). Какъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей еретиковъ и по своему общественному положенію, и по своимъ познаніямъ

¹⁾ Покойный проф. Никитскій въ своемъ очеркѣ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ. Ж. М. Н. Пр., 1879 г., июль, стр. 58, примѣч., I.

²⁾ Тамъ же, стр. 58.

³⁾ Тамъ же, стр. 56.

Федоръ Курицынъ долженъ былъ быть несомнѣнно приближеннымъ и ко двору Елены. Приближенность эта на первыхъ порахъ основывалась на выгодахъ связывавшихъ его и Елену, какъ членовъ одного общества, одного направленія; но потомъ, когда Иванъ Ивановичъ умеръ, когда царская власть должна была перейти къ сыну Софьи, Василю, когда, слѣдовательно, ученію Жидовствующихъ грозила опасность отъ будущаго государя, тогда чувство самосохраненія и прежнія сочувствія заставили Курицына, какъ и всѣхъ вообще еретиковъ, стараться избѣжать этой опасности, стараться, чтобы престоль перешелъ къ Дмитрію, и они сошлись вокругъ него и его матери. Такимъ образомъ, Курицынъ по ходу дѣлъ непремѣнно долженъ былъ стать на сторону Елены, и представлять это иначе было бы неестественно.

Федоръ Васильевичъ Курицынъ ¹⁾ выступаетъ, по современнымъ свидѣтельствамъ, на поприще общественной дѣятельности лишь во вторую половину правленія Ивана Васильевича, когда Московское государство стало входить въ дѣятельныя посольскія сношенія съ иностранными державами. Ни откуда не видно, чтобы онъ принадлежалъ къ знатному боярскому роду; напротивъ, судя по тому, что сословіе дьяковъ составилось изъ невольныхъ слугъ, «людей купленныхъ» ²⁾, онъ происходилъ изъ холопскаго званія. Вѣроятно отецъ его принадлежалъ къ многочисленному ряду дворцовыхъ служителей, который состоялъ при Московскомъ государѣ. Такимъ образомъ, онъ очевидно былъ homo novus въ ряду той рядовой аристократіи, которая окружала особу государя и прежде, чѣмъ стать въ ряду ея, прежде чѣмъ занять то высокое положеніе, въ какомъ мы его видимъ впослѣдствіи, прошелъ, несомнѣнно, тяжкую школу труда. Онъ постепенно подвигался впередъ по длинной чиновнической лѣстницѣ и сталъ вверху ея, опередивъ своихъ сослуживцевъ, только благодаря своимъ дарованіямъ. Иванъ III, какъ впослѣдствіи и Петръ I, не стѣснялся въ выборѣ дѣловитыхъ людей ихъ происхожденіемъ и не справлялся, кто были ихъ предки. Обращая вниманіе на личныя качества, великій князь окружилъ себя такими людьми, которые и способствовали ему направить Московское государство на путь успѣха и могущества. Равнымъ образомъ мы не встрѣчаемъ и впослѣдствіи лицъ съ этимъ именемъ въ числѣ приближенныхъ Московскаго государя. Правда, въ княженіе Василя III Ивановича упоминается дьякъ Аѳанасій Курицынъ ³⁾; но какое онъ имѣлъ

¹⁾ Такъ называется его Татищевъ (Исторія Рос., ч. IV, подл. 1482 г.); въ другихъ же лѣтописяхъ и памятникахъ онъ называется просто дьякомъ Федоромъ Курицынымъ.

²⁾ Исторія Россіи Соловьева, книга I, изд. Т-ва Общ. Польза, стр. 1182, примѣч. 6.

³⁾ Акты Историч., I, стр. 198; Акты Арх. Экспед., I стр. 40, 53, 84 и др.

отношеніе къ Ѳедору Курицыну сказать нельзя; званіе его было незначительно, и нельзя видѣть въ немъ слѣдствіе его происхожденія *).

Впервые съ Ѳедоромъ Курицынымъ мы встрѣчаемся въ 1482 г., когда Венгерскій король Матвѣй Корвинъ присылалъ въ Москву своего посла съ цѣлью заключить дружественный союзъ съ Иваномъ Васильевичемъ. Оба государства, Венгрію и Россію, связывали общія выгоды именно: общій ихъ врагъ Польскій король Казимиръ.

Россія была возстановлена противъ него тѣмъ, что онъ поддерживалъ въ Новгородцахъ мятежническій духъ въ отношеніи къ Москвѣ; Матвѣй же Корвинъ велъ борьбу съ Казимиромъ за Чешскій престолъ, на который хотя и былъ избранъ Владиславъ, сынъ Казимира, но такъ какъ была партія, желавшая имѣть своимъ королемъ Матвѣя, то послѣдній не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній. Кромѣ того, Казимиръ помогалъ войскомъ возставшимъ противъ своего короля Венграмъ. Въ силу этого Матвѣй Корвинъ сдѣлался заклятымъ врагомъ Польскаго короля и старался вредить ему всѣми средствами: возбуждалъ противъ него самихъ Поляковъ, заключалъ наступательные союзы

*) У Ѳедора Курицына былъ братъ, также дьякъ, по прованію Волкъ (Проевѣтитъ 571), который также былъ приверженъ къ Жидовствующимъ. Неизвѣстно, на какомъ основаніи установилось мнѣніе, что этотъ братъ былъ именно тотъ Иванъ Волкъ Курицынъ, который однажды въ 1492 году сопровождалъ великокняжескихъ пословъ Грека Юрія Траханіотова и Михаила Кляпика Еропкина къ Римскому королю Максимилиану. (Памят. I, 87, П. С. Р. Л.; VIII, подъ 1492 и 1493 гг.). Мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что такое мнѣніе совершенно неосновательно. Въ современныхъ памятникахъ братъ Ѳедора называется просто Волкомъ (Проевѣт. 571, 575), или *дьякомъ* Волкомъ Курицынымъ (П. С. Р. Л. VI, 49; VIII, 244), но нигдѣ не называется по имени; имя же Ивальъ приписывается ему многими изслѣдователями произвольно. Отождествлять брата Ѳедора съ упомянутымъ Иваномъ Волкомъ нельзя, во первыхъ потому, что первый носилъ званіе дьяка (П. С. Р. Л., VI, 49; VIII, 244), а послѣдній этого званія не имѣлъ: онъ вездѣ называется только Иваномъ Волкомъ Курицынымъ (П. С. Р. Л. VI, подъ 1493 г., VIII подъ 1492, 1493 гг. Татищевъ, подъ 1492 г. 1493 г.), или просто Иваномъ Волкомъ (Памят., I, 87—88), но нигдѣ дьякомъ. Во вторыхъ, роль брата Ѳедора, какъ лица приближеннаго къ великокняжескому двору, должна была быть болѣе или менѣе значительной, а между тѣмъ роль Ивана Волка ничтожна. Въ упомянутомъ посольствѣ онъ былъ лицомъ второстепеннымъ. Онъ собственно *сопровождалъ* указанныхъ пословъ великаго князя вмѣстѣ съ какимъ-то Дмитриемъ, такъ что оба они въ княжескомъ наказѣ называются просто „людьми“ („...и мы нынѣ послали къ королю Максимиану *пословъ* своихъ Юрія Траханіотова да Михаила, да съ ними своихъ *людей*, Ивана Волка да Дмитрія“... Памят., I, 87). Въ третьихъ, было еще одно лицо, которое прозывалось Волкомъ Курицынымъ, называлось по имени Василемъ и занимало должность дьяка (Татищевъ, подъ 1497 г.). Этотъ-то *дьякъ* *Василій* Волкъ Курицынъ (а не Иванъ) ѣздилъ въ 1497 году посломъ вмѣстѣ съ Лобаномъ Заболоцкимъ къ Литовскому князю Александру отговаривать его не ходить ратью на великокняжескаго свята, Волошкаго воеводу Стефана (Тамъ же; П. С. Р. Л. VI, 42; VIII, 238). Этотъ же *дьякъ* *Волкъ Курицынъ* несомнѣнно и былъ соженъ въ Москвѣ по соборному опредѣленію въ 1504 году, и слѣдовательно онъ и былъ братъ Ѳедора, а не Иванъ, какъ полагаютъ наши изслѣдователи.

съ его сосѣдами—Пруссией, Молдавскимъ воеводой Стефаномъ, Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ ¹⁾). Съ подобной же цѣлью прибыло и упомянутое посольство. Послѣ переговоровъ, которые, вѣроятно, были ведены Ѳеодоромъ Курицынымъ, посолъ короля Матвѣя былъ отпущенъ въ Венгрію и вмѣстѣ съ нимъ отправился и этотъ дьякъ въ качествѣ посла для того, чтобы утвердить заключенный въ Москвѣ договоръ и размѣняться грамотами. Курицынъ вполнѣ удовлетворительно закончилъ переговоры ²⁾). Когда Курицынъ возвращался изъ Венгріи, великій князь старался обезпечить ему свободный путь слѣдованія чрезъ владѣнія Крымскаго хана Менгли-Гирея, для чего посылалъ особаго гонца Константина Севрюка къ бывшему въ то время посломъ въ Крыму князю Василию Ноздреватому сдѣлать хану представленія въ этомъ именно смыслѣ. Курицынъ былъ уже въ Валахія у воеводы Стефана ³⁾), какъ въ Бѣлгородѣ онъ былъ задержанъ Турками. Этотъ городъ (нынѣшній Аккерманъ), въ 1483 году отнятый у Стефана Волошскаго султаномъ Баязетомъ II, сдѣлался мѣстомъ плѣна для Московскаго посла.

Король Матвѣй Корвинъ, какъ только узналъ о задержаніи Ѳеодора Курицына, немедленно послалъ требованіе Баязету отпустить его. Требованіе это было поддержано и Менгли-Гиреемъ, постояннымъ доброжелателемъ Ивана Васильевича. Въ то время какъ король и ханъ старались объ освобожденіи Курицына, Турецкое правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы завязать дружественныя сношенія съ Москвой. Чрезъ задержаннаго посла султанъ предлагалъ великому князю дружбу и любовь, и въ послѣдствіи дружественный союзъ дѣйствительно былъ заключенъ.

Ходатайства короля и Менгли-Гирея были уважены султаномъ, при чемъ имъ имѣлись въ виду, конечно, и предполагавшіяся въ будущемъ мирныя отношенія съ Москвой, о которыхъ долженъ былъ сообщить Курицынъ, и онъ былъ переданъ въ руки Крымскаго хана вмѣстѣ съ двумя сопровождавшими его иноземцами, а ханъ препроводилъ всѣхъ ихъ въ Москву. Возвращеніе Ѳеодора Курицына домой послѣдовало не раньше конца 1485 года и начала 1486-го, потому

¹⁾ Соловьевъ, стр. 442—443.

²⁾ П. С. Р. Л., VI. 35; VIII, 214.

³⁾ Это пребываніе у Стефана, вѣроятно, дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать, что Курицынъ ѣздилъ посломъ въ Валахія сватать за сына великаго князя Ивана Ивановича, дочь господари Елену и привезъ ее оттуда въ Москву въ 1482 году. (Ересь жидовствующихъ, Панова, Ж. М. Н. Пр., 1877 г., Январь, стр. 26). На самомъ же дѣлѣ сватала Елену и привезли ее въ Москву въ 1483 году Андрей Михайловъ Плещеевъ съ братомъ своимъ Петромъ, и Иванъ Зиновьевичъ (П. С. Р. Л., VI, подъ 1482 и 1483 гг.).

что посолъ великаго князя Семенъ Борисовичъ, отправленный въ Крымъ въ Мартъ 1486 года, долженъ былъ между прочимъ выразить Менгли-Гирею удовольствіе великаго князя за содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія его посла изъ Турецкаго плѣна и вручить хану золото, которое онъ издержалъ по этому случаю въ подарокъ Турецкимъ пашамъ ¹⁾).

Трехлѣтнее отсутствіе Ѳедора Курицына сильно беспокоило Ивана Васильевича. Не имѣя о немъ извѣстій, онъ послалъ гонцомъ въ Венгрію нѣкоего Ѳедца Кузлинскаго развѣдать, что случилось съ его посломъ. Ѳедецъ Кузлинскій возвратился въ Москву вмѣстѣ съ посланнымъ отъ Венгерскаго короля дьякомъ Иваномъ только въ Сентябрѣ 1488 года, въ то время, слѣдовательно, когда Ѳедоръ Курицынъ былъ уже дома ²⁾. Объясняя все происшедшее съ Курицынымъ, Иванъ дьякъ спрашивалъ, главнымъ образомъ, о судьбѣ заключеннаго союза между Россіей и Венгріей. Конечно, веденіе переговоровъ было предоставлено Ѳедору Курицыну, который наиболѣе освѣдомленъ былъ въ этомъ дѣлѣ ³⁾. Увѣривъ посла въ искренности великаго князя относительно союза его государя, Ѳедоръ Курицынъ излагалъ просьбу Ивана Васильевича къ Матвѣю Корвину о присылкѣ въ Москву военныхъ и горныхъ инженеровъ, литейныхъ дѣлъ мастеровъ, чѣмъ король докажетъ къ нему свою дружбу ⁴⁾.

Въ томъ же самомъ 1482 году Курицыну пришлось вести переговоры съ другимъ посломъ, присланнымъ Римскимъ императоромъ Фридрихомъ III, Николаемъ Попелемъ. Сношенія между имперіей и Россіей открылись случайно. Николай Попель былъ простой путешественникъ; онъ изъ любознательности посѣтилъ «всѣ христіанскія земли и видѣлъ всѣхъ королей»; онъ желалъ также узнать и Россію и великаго князя, о которомъ молва достигла и Германіи. Съ этой цѣлью, заручившись письмомъ отъ императора, онъ побывалъ въ Москвѣ еще въ 1486 году. Тогда однакоже здѣсь ему не повѣрили: на императорское письмо бояре посмотрѣли какъ на подложное, написанное имъ самимъ, и приняли его за шпиона Литовскаго князя Казимира. Встрѣченный нелюбезно въ Москвѣ, Попель все же рѣшилъ втянуть въ сношенія съ имперіей Московскаго государя, котораго до того времени въ Германіи считали вассаломъ Польскаго короля. Могущество Москвы могло быть полезнымъ для имперіи, и потому, желалъ

¹⁾ Записки Одес. Общ. Исторіи и Древн., V, 195—197.

²⁾ Сервицкій поэтому неправильно полагаетъ („Правосл. Обзоръ“, 1862 г. Іюнь, стр. 197—198), что Курицына, когда происходилъ соборъ въ Февралѣ 1488 г. на еретики и когда они были осуждены, не было въ Москвѣ.

³⁾ Памятн., I, 159—168.

⁴⁾ Тамъ же.